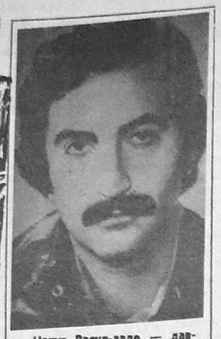
Литературная гостиная «Вышки»

Натиг РАСУЛ-ЗАДЕ



Натиг Расул-заде — давний автор «Вышки». Его перу принадлежат более 20 книг, изданных в Баку, Москве, за рубежом. Прозаик, драматург, киносценарист.

Сегодня мы представляем читателям несколько необычное произведение писателя, раскрывающее новую грань его творчества.

РАССКАЗ

Вот уже второй месяц преследует меня этот сон, тревожит, не оставляет в покое, часто вспоминаясь и днем, среди повседневных дел и суеты. Срок, надо признать, довольно необычный для сна — почти два месяца, если учесть, что он повторяется в мельчайших подробностях, сегодняшний похож на вчерашний, а тот, в свою очередь, на позавчерашний, как сухие горошинки перестука будильника на моем столе.

Я часто хожу на работу и с работы пешком, одними и теми же улицами, издавна облюбованными, и не собираюсь отказываться от этой привычки, так как пропуска до и после работы — те редкие минуты суток, в которые я нахожусь в движении, остальное время дня я провожу обычно за письменным столом, а ночь — естественно, в постели, сплю, значит, понятно? И потому шагаю я по улицам с удовольствием, чувствуя, как расходятся мышцы рук и ног во время ходьбы, как бодрее я становлюсь с каждой минутой.

Я люблю смотреть на прохожих, шагающих мне навстречу и обгоняющих меня, вожу рассеянным взглядом по витринам магазинов, подсознательно, мимолетно уверяя себя, что мне в них ничего не нужно, вид грязи и мусора на улицах огорчает меня, но тоже мимолетно, и я с сожалением думаю, во что превратился наш город и каким он был прежде. Эти мысли влекут за собой другие, и все мне представляется плохо, шиворот-навыворот, все паршиво, запущено, безалаберно, все не слава Богу, уехать бы подальше, где можно остаток жизни, этой единственной, этой единственной - единственной жизни пожить по-человечески, но потом я думаю — это же моя земля, моя родина, здесь мой дом, вот так вот, с чем и поздравляю вас. Шагаю я торопливо, хотя, как правило, никуда не спешу, просто издавна взял себе в привычку выходить из дома пораньше, оставляя время на непредвиденные случаи, чтобы не опоздать на работу. И таких непредвиденных случаев оказывается достаточно; так как я хожу по одним и тем же улицам в почти одно и то же время, я встречаю знакомых, избравших, как и я, этот маршрут или часть его, порой мы останавливаемся, разговариваем минуту-другую, иногда беседа принимает деловой характер и тогда незапланированная встреча затягивается и потом приходится наверстывать упущенное в буквальном смысле слова: оставшиеся версты я прохожу быстрее обычного... Впрочем, я отвлекся. А вот про сон...

Да, так вот, все это на улицах было привычным, повседневным, хотя и не надоевшим, я недавно, то есть месяца два назад, на углу одной из улиц, где был расположен большой магазин готовой одежды, я увидел парня, выгружавшего ящики из крытого грузовика. С этого все и началось... Я не встречал его здесь раньше и, естественно, он привлек мое внимание. Потом я понял, что привлек он внимание не только по этой причине. Я смотрел на него со спины и что-то тревожное, точное, тревожащее уловил в его облике. У него были длинные обезьяньи лапы, несоразмерные с остальными частями тела, даже кисти этих рук-лап производили удручающее впечатление своей излишней огромностью, тяжестью, как чувствовалось, ростом же он был попросту мал, впрочем, сутулился, но и в малости его роста таилось что-то мощное, зловещее... Хотя, вполне возможно, что я плохо выспался в ту ночь, в дурном настроении пребывал, и все мне виделось в черных, мрачных красках. Но когда случайно он обернулся и посмотрел в мою сторону, я поразился — парень был неполноценным, идиотом, или как их врачи называют, «дауном». Парень-идиот глянул на меня мутным взглядом, в уголках его рта, хищно полуоскаленного, блестела слюна. Я отвернулся и зашагал дальше.

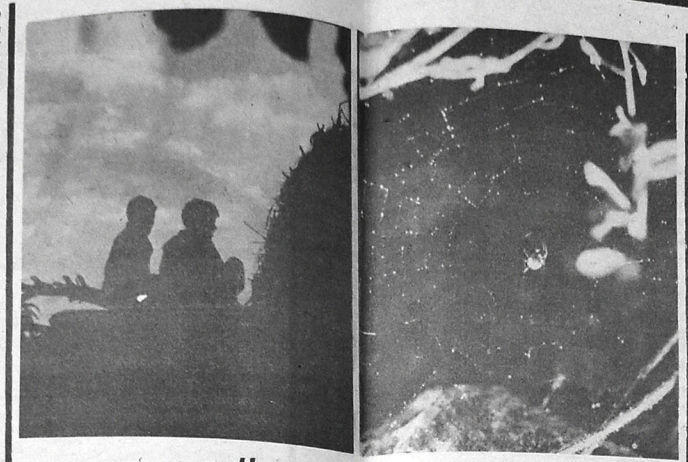
Конечно, ничего поразительного не было в том, что я встретил на улице идиота, тем более, что наш город был теперь, в отличие от лучших своих дней, полон идиотов, а парень к тому же, по всей видимости, работал грузчиком при магазине, так что, надо полагать, не полным все же был идиотом... На протяжении некоторого времени я встречал его у магазина, то загружавшим товар в машину, то заносящим ящики и коробки в магазин, и постепенно привыкал к его виду, к его сутулой фигуре, еще одному персонажу моего маршрута. Парень-идиот работал, как машина, с абсолютно равнодушным выражением на лице, если только то крохотное, съежившееся, с едва уловимым слезящимся взглядом, обильно заросшее черной щетиной, можно было называть лицом. Кстати, я так и не смог определить его возраст, у тех, кто болен болезнью Дауна, это всегда трудно, сорокалетние похожи на подростков. Помню, как-то мимолетно глянув из его огромные мускулистые руки, и повсегдашнему ничего не выражавшее лицо, я подумал, что такой и задушит, не меняя выражения равнодушия на лице, а потом пойдет догружать свои коробки в машину. Я не придал этой мысли значения, тем более, что и мыслью-то ее трудно назвать... так, мелькнула и пропала...

Но через несколько дней мне неожиданно приснился странный сон. Вот уж точно сказано про сны: небывалые комбинации бывалых впечатлений. Приснилось мне, будто в совершенно пустом трамвае едет мужчина в ярко-голубом плаще. Трамвай останавливается на знакомой мне остановке, возле пустыря. Мужчина выходит и шагает вдоль грязного, высокого, деревянного забора. Он спотыкается в темноте и виновато улыбается самому себе. В конце забора обнаруживается подвал, мужчина в плаще, опасливо озираясь, входит в подвал, и тут внезапно в кромешной тьме подвала перед ним возникает парень-идиот. Он тихо мычит что-то нечленораздельное, широко улыбается улыбкой животного, в углах рта его блестит слюна, маленькие глазки мутно смотрят на мужчину в голубом плаще, и не успевает тот и рта раскрыть, как идиот всаживает в него по самую рукоять огромный нож, что прятал за спиной; радостно мыча, он вытаскивает нож из тела своей жертвы и снова вонзает в нее, да так, что острие ножа отторкивает со спины мужчины его раздражающе-голубой плащ. Мужчина падает на пол подвала, уставленного ящиками и коробками. Парень-идиот вытаскивает из него нож, обнюхивает лезвие, обильно окрашенное кровью...

Несколько ночей подряд я не знал, как отделаться от этого назойливого сна. Однажды, проснувшись среди ночи после повторяющегося в своих мерзких деталях сна (кровь, стекающая с ножа капля за каплей, сначала часто-часто, потом все медленнее: кончик ножа, пронзивший насквозь мужчину, острый холмик на спине плаща от кончика ножа, слюнявое, сладострастное мычание «дауна»-убийцы, кровь на его пальцах, на которую он не обращает никакого внимания, коробки и ящики в подвале, сыплющиеся на тело жертвы, когда он бессознательно, слабеющими руками хочет ухватиться за них, и прочее), С твердо решил, что подойдет на улице и заговорит с идиотом.

В то же утро С увидел его. Парень сидел без дела возле магазина на корточках, положив свои чудовищные руки со свисающими кистями на колени. Огромные кисти свисали с колен, отдыхали, бездействие подчеркивало их неопрятную несоразмерность, а мутный взгляд идиота был устремлен на собственную ширинку, явно находившуюся под большим давлением и чудом удерживаемую разнокалиберными, видными даже издали пуговицами. С понял, как глупо было его ночное решение заговорить с идиотом. Да и что С мог бы ему сказать, что мог спросить? Почему он снится С! Не только идиоты, но и блестящие психиатры не ответили

(Окончание на 10-й стр.).



Человек и природа

Прелюдии осени

На быстрых крыльях перелетных птиц улетает лето. Навстречу ненастьям и осенней слякоти уже умчался последний летний месяц. Умчался, оставив нам на память воспоминания о лете. Печальные, как при расставании добрых друзей. Попробуйте: в начале сентября даже у налившихся жаркими соками земли плодов-ежевики — кисловатый привкус печали.

Но всему этому почему-то не хочется верить. Тихо ведь вокруг и тепло еще — хоть загорай, как летом. И все же осень уже на дворе. Как всегда, с озорными опятами, последними ромашками и предзимними заботами зверюшек. По утрам на лесных опушках, напоследок сверкнув серебром на солнце, к одежде липнет шелковистая паутиновая нить — тоже одна из осенних примет.

Скоро совсем уже отцветать начнут сентябрьские дни. Постепенно укорачивая светлое время, их за собой на юг унесут все еще танцующие над проводами стрижи, белоснежные цапли и черные, цвета агата, каравайки. Солнце уже не будет, как прежде, слепить глаза. Без солнца синеть будут дни, а на плечах белесых гор синеть будут леса, издали похожие на сплошной кустарник.

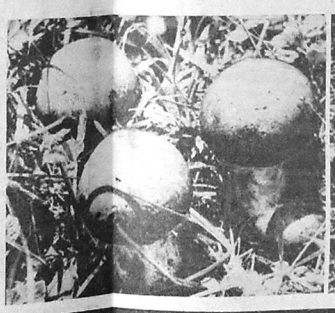
А где же само солнце? Оно листочком-багрянцем утонет в пруду, надолго застрянет в пламенем схваченных кустах-колючках шиповника, а к закату дня — яичным желтком разольется по дождевой лужице, в которой, словно в зеркале, отразятся изрядно выцветший лоскутик синего неба в разрывах облаков и макушками вниз — клены с покрасневшей листвой. Нам же на очень короткое время природа, будто сжалившись, подарит нарядную, как невеста перед свадьбой, пору, в народе величаемую «бабьим летом». Теплую, тихую и... обманчивую, как весенний апрель. То вдруг среди ясного неба прольется дождь, как из ведра, то, словно невзначай, на всю округу закружит ветер, после которого еще больше осыпать начнет лес свои вершины.

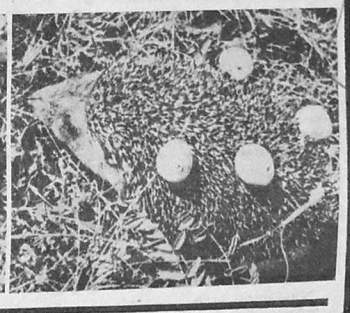
Зато звуков всяких, шорохов вокруг — совсем как летом. Прислушайтесь: вот среди скрюченных мокрых веток, будто просясь к леснику в домик, непрестанно долго стучит дятел. А это над головой песня большой синицы: ци-ци-ка, ци-ци-ка, которую за оврагом продолжил бегающий вниз головой по грабу поползень: тюй-тюй-тюй. Вспомним: даже летом их не всегда услышишь...

Щедр сентябрь, удачлив на грибы. Там, где в лесу больше света, в руки так и проситься будут боровики, подосиновики в красных беретах и сыроежки в разноцветных кокетливых косынках. И от этих встреч, лесных песен и невнятных шорохов, глядишь, как-то добрее, радостнее делается на душе. Порой, до того радостно, что посвист обыкновенного дрозда-рябинника в душистом воздухе начинает звучать, как волшебная флейта. Лишь в голосах улетающих в Африку цапель угадываешь щемящую грусть. Грусть по убежавшему лету...

Фаик ЗАКИЕВ.

На снимках: осенние мотивы. Фото автора.





АМЕРИКАНСКИЙ ПОРТРЕТ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ СЕМЬИ

Всего два года понадобилось семье Мурадовых из Баку, чтобы стать известной по американским меркам в масштабах целого штата, да еще такого, как Флорида. По этому поводу не в меру озорные острословы-соседи из городка Ки Веста, земляки великого Эрнеста Хемингуэя, даже шутят: вторая после писателя наша знаменитость — это семья Пегги, как любовно называют Первин Мурадову друзья за океаном.

И все же дорогу к известности в США проложил семье ее глава доктор химических наук Назим Мурадов. На конкурсной основе он избран членом авторитетнейшего в мире Американского химического общества. Работая по контракту во Флоридском центре солнечной энергии, что на мысе Канаверал, азербайджанский ученый провел ряд исследований в области одного из самых перспективных направлений современной науки — нестандартных видов энергии, в частности, разработал систему солнечных батарей, которая получила свое практическое воплощение в автомобилестроении в США.

Успех отца развил младший член семьи — 11-летний Орхан, местная телезнаменитость. Не по годам высокие результаты в спортивном плавании, которому он обучился в американской школе, принесли Орхану известность среди сверстников. И не только среди них — президент США Джордж Буш наградил юного бакинца грамотой.

Восходящей звездой концертной эстрады называют теперь мать Орхана — Первин ханум, воспитанницу Азгосконсерватории имени Уз. Гаджибекова. С детства она мечтала стать такой же известной танцовщицей, как ее мать Амина Дильбази. Но любовь к музыке оказалась сильнее, и Первин пошла по стопам отца — выдающегося деятеля азербайджанской музыкальной культуры Джовдета Гаджиева. Выступив как пианистка с первым публичным концертом за рубежом, она заслужила большую прессу. Так, газета «Сантри ин ревью», поместившая на первой полосе очерк, посвященный семье Мурадовых, снабдила его фотоснимком пианистки. Автор очерка Л. А. Дэвис подчеркивает, что возвращение на концертную сцену Пегги стало возможным после покупки семьей рояля. Отмечает корреспондент и тот факт, что все трое членов семьи, на первых порах пользовавшиеся общественным транспортом, теперь сами водят приобретенную ими машину. А то, что автомобиль в семье — не просто одно из условий «американского образа жизни». Мурадовы почувствовали в тревожные дни ожидания урагана «Эндрю», нагрянувшего днями на западное побережье США.

Сама же П. Мурадова, делясь с читателями своими планами, сообщила, что разработала программу культурного сотрудничества, которую поддержала американская сторона. Она предусматривает и выступление самой Первин ханум с Бравадским симфоническим оркестром, в программу которого включены произведения Брамса, Моцарта и Шостаковича. А откроется программа с обменных гастролей американского дирижера Марии Тунички в Баку и Исмаила Гаджиева во Флориде.

К. АБДУЛЛАЕВ,
корр. Азеринформа.

На снимке: Первин МУРАДОВА.
Фотохроника Азеринформа.

Suntree In Review

Published by FLORIDA TODAY to serve the Suntree community

Concert pianist adjusts to culture change

Ну и ну!

СЕКС НА АВТОСТРАДЕ Е-55

Автомобиль останавливается на обочине. К нему подбегают, опережая одна другую и распахивая на ходу кофточки, сразу несколько девушек в мини-юбках.

— Секс?

— Секс!

Такие картинки на автостраде Е-55 можно наблюдать каждую минуту. Здесь, недалеко от чехословацко-германской границы, сплошным потоком идут через городок Дуби легковые и грузовые автомобили, автобусы и рефрижераторы из Германии в Чехословакию, на Балканы и в обратном направлении. Любовь продается и покупается прямо на обочине, на автостоянке или в ближайшем лесу. А придорожные третьеразрядные трактиры «Эхо» и «Спорт» считаются прямо-таки фешенебельными местами для платных любовных утех.

Вечером по городу спокойно не пройдешь. На каждом шагу проститутки предлагают свои услуги как 12-летним скаутам, так и 70-летним пенсионерам. Любители ранних пробежек рискуют сломать ногу, поскользнувшись на множестве разбросанных презервативов...

Немецкие водители у бензоколонки утверждают, что девушки у дороги грязные и что часто обворовывают своих клиентов. То, что такое случается чуть ли не каждый день, подтверждает и майор Дбальф.

— Чаще всего это происходит следующим образом. Проститутка останавливает автомобиль с германским номером, немец приглашает ее в салон. Садятся и едут в ближайший лес. А там машину окружает группа цыган. Проститутка убегает, а чужеземного охотника до дешевой любви избивают и обворовывают.

Часто и девушкам достается от клиентов. Но они предпочитают об этом молчать, чтобы не связываться с полицией.

Полиция пыталась навести порядок в Дуби, но это оказалось невозможным. В субботу или воскресенье в городе не видно ни одного полицейского, и они боятся. Никто не хочет связываться с агрессивными сутенерами, у которых достаточно оружия, а карманы набиты деньгами. Говорят, что полиция в городе просто подкуплена. Для отвода глаз она иногда устраивает акции по очищению Дуби от представительниц древнейшей профессии. Проституток в автобусах вывозят далеко за город и оставляют в чистом поле. Но через несколько часов они снова на «рабочих местах».

(«Лидове новины», РИА «Новости»).

ДЛЯ НАШИХ МАЛЫШЕЙ

Рафик ЮСИФОГЛУ

МОРЕ И ВЕТЕР

Девочка с волной
простилась,
Утром снова к ней
пришла.
Мяч, и надувную рыбу,
И кораблик принесла.

И стоит — глазам
не верит:
Море — гладкое,
как лед.
Не качается, не скачет,
Даже мячик не берет.

— Папа, что случилось
с морем?
Ни одной волны на нем.
Что теперь мы будем
делать?
Может, ветер позовем?

Где ты, где ты,
мастер-ветер?
Как же без тебя
нам быть?
В море волны
все сломались.
Нужно волны починить!

БАКУ.

Алемзер АЛИ-ЗАДЕ

ДОЖДЬ В ПОДАРОК

Есть у нас такой малыш,
А зовут его — Ибиш.
Было лето, было жарко,
Он пришел к нам
без подарка.

В это время дождь
полил,
Тут Ибиш нас удивил.
Он повсюду весть
разнес:
«Я в подарок дождь
принес».

ГЯНДЖА.

Перевод
с азербайджанского.

«С теплыми дружескими чувствами...»

Такой надписью сопровождал подарок Азербайджанской государственной библиотеке им. М. Ф. Ахундова — книгу своих стихов на английском языке «Контраверсис» (издательство «Кавкасиони», Вашингтон) — недавний гость нашей республики, видный ученый-кавказовед, советник главы правительства Израиля, доктор, профессор Ицхак Давид.

Передавая подарок для читателей нашей республики, доктор Ицхак Давид выразил глубокую благодарность ученым Азербайджана, в том числе академику Зия Буниятову за оказанное гостеприимство. Гость выразил надежду на новые встречи, продолжение научных и культурных контактов на земле Азербайджана и Израиля.

— Сборник «Контраверсис» будет выставлен в постоянно действующей экспозиции нашей библиотеки. — сказала директор АГБ Л. Гафурова, — и я уверена, эти стихи найдут своих читателей.

Г. РЕЙХМАН.

БАКУ —
ТЕЛЬ-АВИВ —
БАКУ.

Истина без срока годности

(Окончание. Начало на 6-й стр.).

во, латинская теократия, итальянский гуманизм, немецкая Реформация создавали всеобщее из личного через национальное... Национализм, как исключительное утверждение одного из них в ущерб двум другим, есть воззрение прежде антиисторическое. С другой стороны, обособление каждого народа в смысле отрицательном, т. е. его отчуждение от всех других и замкнутость в себе, будучи делом безнравственным, по существу (как отрицание альтруизма и человеческой солидарности) является, при современном прогрессе внешней культуры, физической невозможностью. Последовательного теоретического оправдания национализм, как и все отвлеченные начала, не допускает. Практическое значение он отчасти имеет как знамя дурных народных страстей.

Невозможно себе представить более глупого словосочетания, чем «партийная совесть» или «национальная совесть», — это нонсенс! Как не может быть «коммунистически красивой женщины» или «азербайджанки изящной розы».

Что касается совести нации или народа, то она во все времена была представлена истинной интеллигенцией, которую постоянно уничтожали физически и морально, и не имеет значения, под каким «измом». Сократ был первый в известной нам истории, кого казнили только за умение глубоко мыслить. Вспомним Насими, Джавида, Сеид-Азима Ширвани и многих других соотечественников.

Ни развал экономики, ни отсутствие материальных благ не могут быть оправданием бездуховности и бескультурья, что нам стараются внушить так называемые «интеллектуалы» современности, видя лекарство от всех бед в «рыночных отношениях» и призывая всех и вся дружно заняться предпринимательством.

Культура и рынок никогда не были в одной системе координат и не будут. Истинная культура всегда рождалась вне контекста материальных благ. Поэтому надежды на приобретение культуры через богатство страны не могут быть оправданы. В то же время «рыночные отношения» без фундамента культуры и широкой образованности, нацеленные только на обогащение и наживу, на неразумное разбазаривание, насилование природы, приведут к самоубийству нации даже без войны, без конфликтов («азербайджанские» цветы на всех рынках «бескрайних границ» бывшего Союза, собранные благодаря насилию над ашперонской землей и нацеленные только на наживу, обернутся отравленными продуктами для самих же азербайджанцев — такого безнравственного «потребительства» земля не прощает!).

Почему мы не хотим поставить императивом независимость духа, здравый смысл, культуру, нравственность? Но при этом не теряя своей «индивидуальности», своего лица. Не имея всего этого, ни о какой демократии, цивилизации речи быть не может.

И Бога ради, давайте не впадать в крайности и в угоду одной Шахрибану ханум не разрушать Парижа подобно тому, как это сделал Мастали шах.

Мои оппоненты могут упрекнуть меня в космополитизме, но это далеко не так. Я через Сабира шла к Салтыкову-Щедрину и постигала Бернарда Шоу; через Джавида — к Гете и Шекспиру; посредством Джафара Джабарлы — к Островскому, через мугам — к Баку. Но в итоге трогательно близкими мне остались Джавид и мугам!

«Свобода», 21 августа 1992 г.